

ИДИОТИЗМ КАК ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

Плох тот дебил, который не мечтает стать идиотом.
(Афоризм)

1. Идиот как частное лицо

Начну с историко-этимологической справки.

ИДИОТ. Первоисточник – греч. “идиотэс” – “отдельный человек, отдельное лицо”, также “невежда”, “простак” (произв. от “идиос” – собственный, свой, частный). Ср. также греч. “идиасо” – “живу, пребываю отдельно, особняком, сам для себя”, “отличаюсь” (от других). Таким образом, значение “умственно неполноценный человек”, “кретин” не первоначальное, а позднее, возникшее на западноевропейской почве. (Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., Русский язык, 1993)

ИДИОТ. Заимствовано из немецкого языка в 20-х годах XVIII в. Первая словарная фиксация – Словарь Яновского 1803 г. Немецкое *Idiot* заимствовано из латинского языка. Латинское *Idiota* “несведущий, неуч, простолюдин, простак” – от греческого “идиотэс” “частное лицо, мирянин, несведущий человек, профан (в государственных делах)”. С отрицательным значением “безумный, сумасшедший” слово впервые было употреблено *Парацельсом* в 1526 г. (Этимологический словарь русского языка. Том II, вып. 7. Под ред. Н. М. Шанского. Издательство МГУ, 1980)

ПАРАЦЕЛЬС. Материалистические, хотя и примитивные, взгляды Парацельса и его практическая деятельность не были свободны от средневековой мистики, религии. Создал учение об “архее” – высшем духовном принципе, якобы, регулирующем жизнедеятельность организма. (Большая советская энциклопедия. Третье издание. Т. 19. М., 1975)

ИДИОТИЯ. Тяжелая степень психического недоразвития... Больные вялы, малоподвижны. Реакции на внешнее у них отсутствуют (внешнее не привлекает внимания)... (Большая советская энциклопедия. Третье издание. Т. 10. М., 1972)

2. Запоздалый идиотизм Хантингтона

Что такое идиотизм в русской культуре? Кто такой идиот?

Реплика: Князь Мышкин¹.

Пожалуй. Идиот — это человек, который, будучи по паспорту взрослым, продолжает по-детски всерьез воспринимать серьезные вещи. Например, если в какой-то авторитетной книге он обнаружит нравственные заповеди, то считает, что они должны каким-то образом сказываться на поведении сограждан и находить выражение в социальных институтах.

Идиот — “вечный студент”, который перманентно самоопределяется. Общество четко отвело сроки, в какие человеку позволительно самоопределяться. Как правило, это школьные или студенческие годы, так как в этот период у вас есть свободное время, вы можете читать книги, думать, общаться. То, что учащийся еще не определился, не стыдно, но с каждым годом заниматься этим все срамнее. Если человеку уже двадцать три, он закончил институт, но продолжает украдкой злоупотреблять выяснением смысла жизни, это уже чистой воды идиотизм, и общество смотрит на него крайне косо. И правильно делает! Продолжая запоздало самоопределяться, идиот плохо работает, не вписывается в социальные

Введение в курс лекций С. Чернышева «Идеология корпоративного управления и предпринимательства» в Высшей школе экономики, март 1997 г. Опубликовано в книге С. Чернышева «Корпоративное предпринимательство: от смысла – к предмету». М., 2001. Электронная публикация: http://www.ckp.ru/biblio/c/chernyshev/kp/01_Part_1/03_Idiotism.htm

¹ Достоевский Ф.М. Идиот. // Собрание сочинений в 15 т. – Т. 6 Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988.

рамки, от него можно ожидать чего угодно. Общество не в состоянии иметь дело с дефектными гражданами, которые перманентно самоопределяются.

Наконец, идиот — тот, кто не желает принимать как должное общепринятые истины. Например, после того, как иго проклятого коммунизма ниспровергли, совершенно очевидна и понятна была общая позиция, что нужно кончать выпендриваться, искать особые пути и строить в отдельно взятой стране что-то невиданное и неслыханное, а надобно, как искренне считали и говорили многие уважаемые люди, выйти на единообразный магистральный путь развития цивилизации.

(Правда, сейчас в этом вопросе вроде бы возникли некоторые подвижки. Так, в только что вышедшей в “Foreign Affairs” статье “Запад уникален, а вовсе не универсален” известный американский геополитик Хантингтон наводит тень на плетень в том плане, что, мол, Запад — странное, хрупкое, ни на что не похожее образование, которому ни в коем случае нельзя придавать статуса общечеловеческого; что западный путь развития никогда не был и не будет общим путем для 95% населения земного шара. Позиция Хантингтона, будь она высказана десять лет назад, оказалась бы для нас чистым идиотизмом.)

Случается, нормальная и идиотская точки зрения на какое-то время совпадают. Но у общественного мнения есть такая особенность, что время от времени оно внезапно разворачивает на 180 градусов некоторые из своих парадигм. Идиот, как правило, за этими разворотами не поспевает. В частности, идиот — тот, кто постоянно опаздывает понять: нечто, еще вчера бывшее незыблемо верным, сегодня уже успело стать политически некорректным, и наоборот.

3. Неизбывность странного мира

Не хотелось бы, чтобы вы усматривали в моих определениях только скрытую иронию, поэтому попытаюсь очертить позицию “идиотизма” с разных сторон: как исследовательскую, нравственную и творческую.

Какова может быть исследовательская установка идиотизма? Конечно, можно занять позицию морального осуждения или интеллектуального превосходства, положить на предметное стеклышко микроскопа какого-то сотрудника правительства, занимающегося “макроэкономическим регулированием”, и сказать: очень странно! Что это за личностный тип? Это человек, который берется играть в шахматы, но никогда в принципе не просчитывает второй ход, а первый ему всегда представляется очевидным и единственным (“Иного не дано”²) А когда в результате он получает детский мат или теряет ферзя (и мы вместе с ним) — страшно обижается и говорит, что этого ни в коем случае не имел в виду. Когда же у него спрашивают: а что, нельзя было просчитать хотя бы на один ход вперед? — он делает страшные глаза, поскольку *это не принято*. Благодаря нашим изумительным администраторам мы вместе с ними постоянно попадаем в разнообразные передрыги, о которых кукарекали все петухи, предупреждали аналитики, в том числе западные, и тем не менее они произошли. Нам указывали пальцем, что под ногами яма, — но невзирая на это, мы бодро шагнули вперед и в нее упали.

Позиция нравственного осуждения состоит в том, чтобы возопить: как эти люди вообще попали в администраторы? Позиция же, которую я называю идиотизмом, принципиально иная. Поскольку эти люди попали в администрацию, поскольку за ними или шло или идет заметное большинство населения, то их способ деятельности является общепринятым, приличным, признанным, и уже в силу этого заслуживает крайне серьезного к себе отношения. Прежде, чем махать руками и осуждать кого-то другого, нужно понять, *почему я не такой*. В этом смысле профессиональный идиотизм идет гораздо дальше, чем профессиональная позиция врача-психиатра, который относится к больному с уважением, надеется, что тот после выздоровления станет не менее нормальным, чем сам врач, и уже в силу этого не может на него обижаться, показывать пальцем и говорить: “Ты ненормальный”. Идиотизм — это позиция такого врача, который подозревает (и имеет к тому все основания) что на самом деле больной — он сам, а все его пациенты социально здоровы просто в силу того, что их большинство.

Поэтому исследовательская программа идиотизма состоит в том, чтобы к подобным вещам, которые здравому смыслу студентов (а ведь они еще не успели расстаться с идиотизмом молодости)

² Иного не дано. Сборник. М.: Прогресс, 1988.

кажутся странными и безумными, относиться серьезно, с пониманием, что они не подлежат ни осуждению, ни осмеянию, ни сочувствию, но лишь беспристрастному, внимательному исследованию.

4. Любовь — последнее прибежище идиота

Ну почему, например, большинство наших сограждан, которые при обсуждении и принятии решения о “шоковой терапии” не могли не видеть, что на их интересы наезжает асфальтовый каток, вели себя крайне пассивно? Было довольно очевидно, что последствия для них, для их социального статуса, самоопределения, работы, зарплаты, уровня жизни будут крайне печальны, но они хранили гордое терпенье. А потом вдруг принялись горько жаловаться на жизнь, обижаться и стучать по кастрюлям. То, что я сказал поначалу в адрес правительственных чиновников, можно ведь с тем же успехом адресовать и нам, российским обывателям. Почему обыватели на Западе создают структуры гражданского общества? Они формулируют свои интересы, кого-то уполномочивают их защищать, всерьез участвуют в обсуждении экономических программ, бюджетов и социальных последствий их принятия. Почему же большинство наших граждан ведут себя кротко, тихо, позволяют делать с ними все что угодно, как марсианский ящер мимикродонт³, а потом в какой-то момент вдруг начинают биться в падучей и устраивать голодные забастовки? То есть на выходе либо ноль, либо бесконечность, а весь промежуточный спектр реакций начисто отсутствует.

Вопрос: Но ведь не факт, что они сами к этому пришли. Может быть, кто-то их к этому подталкивал? Сами они не стали бы так резко...

Ответ: Может быть, не знаю. Но я говорю совсем о другом. Когда вы подталкиваете тяжелый инертный вагон, он сначала стоит, потом чуть-чуть сдвигается, затем тихонечко начинает разгоняться и т.д. А наш российский вагон сначала стоит насмерть, как двадцать восемь панфиловцев, потом внезапно срывается с места и с безумной скоростью устремляется вперед, круша все на своем пути... Повторяю: речь не о том, чтобы осудить или похихикать. Перед нами в высшей степени серьезный феномен. Позиция исследовательского идиотизма состоит в том, что его нужно изучать, исходя прежде всего из презумпции собственной неправильности, идиотичности и виновности уже хотя бы потому, что изучаемое — реакция большинства, и в силу этого она адекватна, она в каком-то смысле правильна. Да, она не соответствует правилам здравого смысла, — но здравый смысл не соответствует статистически понимаемой норме. Царство здравого смысла еще не наступило.

Вообще статус “здравого смысла” должен быть специально определен. Пусть даже идиот считает, что описанная ситуация противоречит его здравому смыслу. Но в роли исследователя он должен исходить из того, что все нормально. Соответственно, нравственный идиотизм состоит в том, что не нужно спешить с осуждениями, наклейкой ярлыков, не надо посылать здоровое большинство к психиатру.

Исследовательский идиотизм — в высшей степени творческая позиция. Чтобы разгадать подобные загадки национальной души, нужен инсайт, озарение. Это действительно серьезная научная проблема — понять, почему наше общество ведет себя именно так, почему оно никак не может пойти по магистральному пути, который все мы считали универсальным (покуда давеча Хантингтон не приподнял нашему Вию веки). Почему же целый культурный континент ведет себя непостижимым (с точки зрения общечеловеческих ценностей) образом?

Нормальный русский идиот не станет зря стებაься или косить под дурачка, не поспешит впасть в пафос осуждений, а будет со всей серьезностью, с уважением и даже любовью творчески вглядываться в черты нашей жизни, которые могут показаться стороннему глазу идиотскими.

5. Друзей моих прекрасные черты

Опишу еще несколько характерных свойств идиота.

Идиот доверчив. Человеку, находящемуся в модусе идиотизма, говорят, например, что некое мероприятие состоится в аудитории № 509. Он приходит туда и никого там, само собой, не обнаруживает. Через неделю ему опять сообщают, что важная встреча состоится там-то и тогда-то, он опять приходит и, естественно, оказывается в гордом одиночестве. Но сколько бы раз его ни

³ Стругацкий А., Стругацкий Б. Стажеры. // Собрание сочинений, М.: Текст, 1991. Т.1

обманывали, он по-прежнему будет верить. Он исходит из того, что нужно верить человеку, когда тот дает честное слово, назначает свидание, обязуется уплатить деньги или берет на себя какую-то часть работы по совместному проекту. Идиотизм данной позиции в том, что абсолютному большинству наших граждан доверчивость не свойственна.

Идиот непрактичен. В стихотворении Арсения Тарковского “Румпельштильцхен”⁴ карлик, которого обманула королева, от огорчения “прыгнул — и разорвался // в отношении два к одному”. Немецкие дети, собравшиеся вокруг несимметричных частей карлика, клеймят его в следующих выражениях: “Непрактичный и злобный какой”! То есть наиболее предосудительна для них не злобность, а именно непрактичность.

В повести “Кальдера Россия”⁵ я привожу для характеристики своего героя известную цитату из Пастернака: “Но пораженья от победы ты сам не должен отличать”⁶. Нет, вы только представьте себе идиота, который не в состоянии отличить пораженья от победы! Играешь с ним в шахматы или в карты, а он не понимает, победил или проиграл. Так не берись тогда за фишки! Это — типичная идиотски-непрактичная позиция, которая глубоко укоренена в русской культуре.

Идиот нерасторопен. Известен анекдот-притча о банане и прапорщике. Группа психологов анализирует менталитет прапорщика с помощью тестов. Ему предлагается подумать, как достать банан, подвешенный на высоком дубе, и при этом дается набор инструментов (среди них стремянка и короткие шести, которые можно вставлять один в другой). Прапорщик, не задумываясь, подбегает к дубу и начинает ожесточенно его трясти, приговаривая: “Хрена ж тут думать?! Трясти надо”! Это типичное поведение нормального человека: он оперативно реагирует, ведет себя адекватным и конструктивным образом и, если будет трясти достаточно энергично, возможно, уронит дуб вместе с бананом. А идиот в этой ситуации приступает к странным затяжным манипуляциям: внимательно вертит лестницу, рассматривает шести с разных сторон и не обращает никакого внимания на банан.

Идиот подвержен коллективизму. В нашей истории неоднократно имели место случаи массового идиотизма. К таковым, например, можно отнести движение “возвращенцев” 20—30-х годов. Это были эмигранты из дворян или интеллигентов, чьим идеологическим знаменем стал сборник “Смена вех”⁷. В сборнике провозглашалась необходимость образованным людям возвращаться в Советскую Россию, несмотря на всю невыносимость условий жизни и несогласие с режимом. Они считали, что нужно вернуться, честно работать, самим фактом своего присутствия и своего отношения к жизни содействовать эволюции сталинского режима в более гуманную демократическую сторону, а также повышению общей культуры, грамотности, для чего требовалось работать учителями, инженерами, библиотекарями... Мало кто из “возвращенцев” умер своей смертью. В 1935 г. вернулся из Харбина главный идеолог “сменовеховства” Устрялов. Возвращаясь сюда, он твердо знал, что с ним будет, не имел никаких иллюзий на сей счет, ибо известна была судьба уже вернувшихся до него. В 1937-м он, профессор Московского института инженеров транспорта, откликнулся на принятие сталинской конституции статьей в центральной газете под названием “Рефлекс права”, после чего, естественно, был арестован, оперативно судим и через три дня расстрелян.

6. Идиотизм как норма

Теперь, приведя все эти примеры, я хочу поточнее определить, чем отличается идиотизм от нормальности. Идиот в русской культуре — это не дегенерат, который не отличает движущегося предмета от неподвижного и у которого капает слюна. У идиота тоже есть жизненная норма, но она имеет иную природу по отношению к норме большинства. Под нормой понимается совокупность принципов и правил, которым человек следует в общественной и личной жизни. Норма большинства — то, что сейчас принято в данном обществе (поступать, как все; носить то, что носят все, и так далее). Норма идиота — некоторый идеал (платоновский “эйдос”), который берется непонятно откуда и которому почему-то, — как он считает, — обязана соответствовать реальность.

⁴ Тарковский А. Румпельштильцхен. // Стихотворения. М.: Художественная литература, 1974, с. 228.

⁵ Чернышев С. Б. Кальдера Россия. // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 3, с. 477—542.

⁶ Пастернак Б. Л. Быть знаменитым некрасиво. // Избранное. М.: Художественная литература, 1985, Т. 1, с. 424.

⁷ Смена вех. Сборник статей Ю.В. Ключникова, Н.В. Устрялова, С.С. Лукьянова, А.В. Бобрищева-Пушкина и др. Прага, 1921.

В отличие от нормальных людей, которые считают нормой социальное (форму деятельности, систему взглядов, профориентацию, стиль одежды и пр.), для идиота нормой является нечто трансцендентное. В его жизни есть *должное* — некий идеал, благо или истина, которые падают с неба. Поэтому в большинстве жизненных ситуаций идиот ведет себя по-идиотски: не так, как диктуют обстоятельства. Правда, жизнь такова, что время от времени происходит слом устоявшихся норм и прорыв в социум определенных трансцендентных сил. Это может выглядеть как революция или просто как смена ориентации, изменение моды. И тогда в глупом положении оказывается большинство, которое считало себя нормальным. Однако в абсолютном большинстве жизненных ситуаций проигрывает идиот, и это звание за ним по праву должно сохраняться.

Идиот, конечно же, понимает это (я говорю о культурных, образованных идиотах). С точки зрения идиота, деятельность наших политиков и предпринимателей — безумие, тем не менее он отдает себе отчет, что с точки зрения большинства все совершенно нормально. Личная проблема идиота в том, что он постоянно должен каким-то образом самоопределяться в данном обществе. Ведь большинство сограждан никогда не станет на его точку зрения, а он, если не перестанет быть идиотом, тоже не откажется от своей трансцендентной нормы — они непримиримы! Значит, ему надо постоянно как-то принаравливаться к жизни в этом обществе, найти себе позицию — способ жить, зарабатывать, растить детей, общаться с друзьями, оставаясь идиотом.

Вопрос: Разве не может идея идиота, взятая с потолка, стать будущей нормой? Например, фантазии модельеров одежды ею становятся.

Ответ: Конечно, может быть и так, и не так, что во многом зависит от концентрации идиотов в обществе и последовательности их поведения. Ведь норма, опирающаяся на некоторые эйдосы (а эйдосы — вещь, укорененная в культуре), то есть норма, которая берется не из усредненной статистики массовой жизни, обладает своей силой, энергетикой.

В студенческие годы мы с приятелем обсуждали, что такое сильная личность. Он полагал, что сильная личность — человек с могучей волей, квадратным подбородком, мохнатыми бровями и черными пронзительными глазами, побеждающий во всех спорах; он гипнотизирует и подчиняет себе остальных, обладает харизмой и пр.

В ответ я привел следующий пример. Из школьной физики известно броуновское движение — беспорядочное движение малых частиц. Если наблюдать взаимодействие пары частиц в момент соударения и отдельно следить за большой и за малой, то можно увидеть, что после соударения большая продолжает двигаться почти туда же, куда и двигалась до того, а малая отскакивает в сторону и может изменить направление своего движения практически на противоположное. Получается, что сильная личность, подобно тяжелой частице, побеждает в большинстве столкновений.

Но если наложить внешнее электрическое поле, выяснится, что среди частиц есть заряженные и незаряженные. И хотя заряженные частицы очень легкие и после каждого удара отскакивают почти назад, под воздействием внешнего поля они через все соударения упорно прокладывают себе дорогу в одну сторону. А могучие, но незаряженные частицы, при каждом ударе побеждая пусть даже на 99,9 %, все же на долю процента отклоняются от прежнего пути в случайном направлении, все равно описывают броуновский зигзаг и в конечном счете не движутся никуда.

Человек, находящийся в поле некоторой идеи, укорененной в культуре, аналогичен заряженной частице — вопрос в концентрации людей, ощущающих внешнее поле. При заметном их числе они могут увлечь за собой всю массу. Одиночных идиотов броуновская толпа затирает.

7. Идеализм идиотизма

Позиция идиотизма преимущественно связана с одним из трех пространств самоопределения. В каждом из них мы так или иначе находимся.

Есть три сферы самоопределения — человеческая (пространство форм деятельности), природная (пространство форм движения) и божественная (пространство форм развития).

Первая — вся совокупность форм деятельности, которые вам в принципе доступны. Можно представить, что перед вами некое поле, где эти формы растут, как грибы, и каждую уже заселили какие-то овладевающие ею люди, в том числе ваши знакомые. Они вас могут туда приглашать, суля деньги, массу удовольствий и какую-то бесплатную униформу с нашивками.

Каждый человек, во-вторых, связан с природой и испытывает некоторые аффекты, которые не дают забыть о его естестве: страх, боль, разнообразные формы удовлетворения (пищевого, сексуального и пр.), — и это оказывает самое прямое воздействие на самоопределение. Человек, который любит спать, естественно, будет тяготеть к выбору таких форм социальной занятости, которые позволят ему вставать как можно позже. Тот, кто любит подкрепиться, при прочих равных предпочтет фирму, офис которой расположен рядом с “Макдональдсом”. Многие просто-таки самоопределяются прежде всего как субъекты природы. У Стругацких в повести “Понедельник начинается в субботу”⁸ описан экспериментальный кадавр профессора Выбегалло, который, сожрав не менее двух тонн селедочных голов, мог испытывать кратковременные пароксизмы довольства, в процессе которых только и становился более или менее социальным. Есть люди, которые к миру социальных форм деятельности относятся как настоящие существа природы. Они живут в обществе как звери, зашедшие из лесу и норовящие побыстрее что-нибудь у кого-нибудь съесть. И это является важнейшим фактором их самоопределения.

Но есть иное, третье пространство — сфера, откуда берут начало загадочные нормы, не вытекающие ни из стереотипов общества, ни из законов природы. Подавляющее большинство людей испытывает непонятное тяготение к истине, благу, прекрасному. Это тяготение дано в ощущениях почти каждому. В “Оправдании добра” Соловьев⁹ писал о таких феноменах, как стыд, благоговение, гнев, гордость. Трудно себе представить слона, испытывающего благоговение или стыд. Ведь стыд — то, что человек стал испытывать, съев плод с древа познания, за что Господь изгнал его из рая. В интеллектуальной интуиции, муках совести, в творческих порывах человек испытывает тяготение мира идей, пространства форм развития. Л. Н. Гумилев называл это тяготение аттрактивностью.

Можно проследить влияние на нас трех указанных сфер на примере пословиц и поговорок. Есть пословицы, которые отражают наше природное естество. Например: “Человек человеку — волк”, “Рыба ищет где глубже, человек — где лучше”, “Сколько волка не корми, а у ишака [хвост] толще”. Последнее — одна из глубочайших природных закономерностей, подмеченных народом.

Есть социальные пословицы типа “На миру и смерть красна”, “На чужой роток не накинешь платок”, “От людей на деревне не спрятаться”.

А есть пословицы и поговорки — идеалистические максимы. Они выражают тяготение человека к трансцендентному. Всем известен принцип дореволюционного офицерства: “Жизнь — родине, честь — никому”. Разумеется, такое понятие, как “честь”, имеет проекцию и на мир природный, и на мир социальный. Например, понятие чести может трактоваться материальным, грубо физиологическим образом. Кроме того, в социальном мире под офицерской честью может пониматься своевременная отдача карточных долгов. Но любой нормальный человек понимает, что можно подвергнуться групповому изнасилованию и при этом сохранить честь, или можно быть честным офицером, вообще не играющим в карты. Именно поэтому Честь ставится выше, чем Родина. Честь отражает некое духовное начало, тяготеющее к небесам, к Господу Богу.

Идеальные нормы имеют свой голос в процессе самоопределения каждого человека, но только идиот ставит их на первое место.

Крестный отец европейского идиотизма Парацельс, разработавший учение о “главенстве духовного принципа”, был типичным идиотом.

8. Реакции на внешнее отсутствуют

Теперь я хотел бы сформулировать, — с точки зрения своего определения, — идиотскую позицию относительно происходящих (точнее, *не* происходящих) в нашем отечестве реформ. Суть ее такова.

Собственно, по мнению идиота, ничего содержательного не происходит. Отсутствует содержание, которое могло бы стать предпосылкой каких-либо сознательных реформ. Конкретно это выражается в том, что не были сформулированы ни центральная проблема, с которой столкнулось и о которую расшиблось наше общество на рубеже 70—80-х, ни весь спектр связанных с нею дополнительных проблем. Дело еще и в том, что в современном русском языке отсутствуют

⁸ Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. // Собрание сочинений, М.: Текст, 1991. Т. 4

⁹ Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. М.: Харвест, 1999.

выразительные средства (слова, понятия), которые позволили бы эту проблему сформулировать. Однако, покуда это не будет сделано, никакие реформы не начнутся — будут происходить только катаклизмы и прочие явления природы.

Если окарикатурить данную позицию и наложить ее на наши исторические реалии, это выглядит следующим образом.

1985-87 гг. Прошел победоносный пленум ЦК КПСС. В стране перестройка, ускорение, хотя, правда, не наступила гласность, а у идиота с его оппонентом из числа нормальных происходит следующий диалог. Идиот спрашивает:

— Ну а делать мы что-нибудь будем?

— Как? Происходят грандиозные перемены — ускорение, перестройка, пленум, живое творчество народа!

— Прекрасно, а какая проблема решается? Чего мы хотим добиться, и почему об этом никто не говорит?

Далее наступает гласность, в газетах печатают все, что можно. С Запада возвращаются диссиденты. Массовый взрыв активности. Формируются первые объединения и партии. Идут демократические митинги. Вокруг все кипит. Идиот опять спрашивает:

— Ну хорошо, а делать мы что-нибудь будем?

— Как?! Вот гласность, перестройка, свобода!

— Ну а какая все-таки проблема решается? Давайте ее сформулируем и посмотрим, с этой точки зрения, делаем ли мы что-нибудь, или только суетимся?

Потом наступает 1991-й. Проклятые силы партократии пытаются остановить победоносный ход демократизации. Они сметены бурей народного гнева, готовятся новые перемены. Россия становится свободной, СССР отменяется, его части разбегаются в разные стороны и образуют 15 новых государств, а идиот опять за свое:

— Ну а делать мы что-нибудь будем? Мы вообще когда-нибудь приступим хоть к какой-то практической деятельности?

— Ты с ума сошел! Посмотри, как много изменилось!

— Да, конечно, но это все не деятельность, а явления природы: действуют только вулканы да мародеры, а мы все никак не можем *н^ачать*. Какая же проблема перед нами стоит, и будем ли мы хоть что-нибудь делать для ее решения?

Наконец приходит правительство реформаторов — Бурбулис с Гайдаром. Разрабатывается либеральная стратегия реформ, осуществляется шоковая терапия. В стране поднимается вторая (после кооперативной) волна бизнеса. К нам вроде бы вот-вот направится западный капитал. Меняется лицо самого общества — часть людей оказывается в нищете, появляются новые русские, возникает волна приватизации и т.д. А идиот продолжает канючить: “Ну а делать мы что-нибудь когда-нибудь собираемся? Какая же проблема перед нами стоит? Каковы концепция и стратегия ее решения?” Но ему уже никто не отвечает, на него давно перестали обращать внимание.

И, наконец, когда все уже к этому привыкли, когда идиот устает задавать свой идиотский вопрос, когда 11 лет судьбоносных реформ позади, внезапно возникает странная мода — все вдруг спохватываются, что в суете модернизации как-то подзабыли выяснить, в чем наша концепция, стратегия, идеология, какова русская национальная идея. Президент ее требует, все СМИ по этому поводу кричат, все вопрошают: “Где же наша идея? Почему у власти нет стратегии”? Масса авторов спешит высказать свои заветные взгляды на национальное обустройство, эскадроны экспертов за казенный счет штурмуют твердыню идеологии, начинается дискуссия в печати... И тут снова возникает наш идиот с вопросом, уже рискованным для него:

— Ну хорошо, а делать-то мы что-нибудь будем?

Воистину, “внешнее не привлекает их внимания” (БСЭ).

9. Сбылась ли мечта идиота

Казалось бы, в связи с тем, что мы читаем и наблюдаем, идиотизму описанного типа пришел конец. И действительно, если десяток лет назад редкие вопли о том, куда мы идем, откуда и зачем, были чистой воды идиотизмом, то сейчас это у нас (как всегда, с суворовской внезапностью) превратилось в государственную политику. Поступил социальный заказ с самого высокого уровня, и вот уже осталось

ждать всего несколько месяцев до того, как профессиональное сообщество политологов, социологов и философов представит на суд начальства национальную идею. И вроде бы стало общепризнанным, что мы без этой идеи жить не можем. Те же самые люди, которые стояли на позициях здравого смысла, т.е. полностью отрицали необходимость идеологии, смеялись над ней и говорили, что надо выйти на магистральный общечеловеческий путь, теперь сидят на госдачах и с остервенением занимаются национальной идеей. Тогда получается, что идиотизм погиб, поскольку его позиция совпала с официальной, а князя Мышкина вот-вот востребуют в администрацию президента.

Обидели юридивого. Отняли копеечку.

Но копеечка-то цела. Повсеместно грянувшие национально-идеологические разборки с идиотской точки зрения бессодержательны. Они вполне содержательны для нормальных людей: политологов, конфликтологов, социальных психологов, для тех, кто изучает дрейф политических позиций, чьи локаторы улавливают сдвиги политической конъюнктуры. Они представляют практический интерес с точки зрения рынка фиктивного капитала, точнее, его проекции на мир идей.

Вы знаете, надеюсь, что рынок фиктивного капитала может быть источником колоссальных доходов, при том что обращающиеся на нем бумаги зачастую не имеют никакого товарного и денежного содержания. Аналогично, как только провозглашен официальный спрос на национальную идею, под это дело молниеносно организуется рынок, где подвизается много групп, проводятся мероприятия, издаются книги и печатаются статьи; одним словом, наблюдается бурное обращение неких знаков, не имеющих ровно никакого товарного (т.е. в данном случае — смыслового) наполнения.

Примером действия подобных механизмов служат прошедшие президентские выборы. В феврале прошлого года по всем опросам наш президент имел 5% поддержки голосующего населения и у него не было никаких шансов быть переизбранным, тогда как спустя четыре месяца эта цифра возросла в десять раз — до 50%. Произошло это на ровном месте, ничего не изменилось в экономической и социальной политике, — кроме того, что были запущены современные информационные технологии и выяснилось, что это вещи чрезвычайно серьезные. Технологии втянули в свой оборот тысячи людей, от высококвалифицированных экспертов до политиков и бизнесменов, и привели в итоге к совершенно нетривиальному результату, который обошелся, по самым скромным оценкам, в сотни миллионов долларов.

Точно так же в сфере “поиска национальной идеи” сейчас работают современные технологии, которые безусловно серьезны. С моей точки зрения, все это не идиотично, а вполне истеблишментарно. Система работает как и работала. Поскольку прошел конъюнктурный слух, что товар X (неважно что — национальная идея, глинозем или какие-то акции) будет в цене, а общество мобильно, современно, в нем функционирует масса интересных социальных институтов, битком набитых способными и образованными людьми, это привело к ответной цепной реакции, суть которой в том, чтобы погреть на этом руки, кого-то кинуть, кого-то отжать от замочной скважины, оттереть от кассы и т.п. — серьезные, нормальные цели, ни в коем случае не идиотичные. Сейчас идет большая игра в русскую национальную идею. Под ее разработку “выбивается” финансирование, создаются новые институты, формируются и разваливаются партии, идут “разборки” внутри администрации. Это нормально — весь этот спектр форм деятельности не является чем-то безусловно плохим. Так и даже более сложным образом реагирует нормальное развитое общество на вбрасывание любой новой идеи в поле политической игры.

В этом есть все, что угодно, — кроме того, что идиоты называют “содержанием”. Благодаря чему никакого шанса на осуществление содержательных реформ по-прежнему нет. Более того, чем дальше мы тянем с самоопределением, тем теснее коридор, где нам суждено самоопределяться, тем вероятнее, что нас определяют извне. Мы медлим с использованием нашей свободы воли, и в результате пространство этой свободы сужается.

10. Идиотизм русского убожества

Впрочем, такие вещи как “сужение пространства свободы воли” беспокоят только идиотов. Свобода воли не значится ни среди природных норм, ни среди социальных. Это — фантомная проекция идиотического идеализма на плоскость здравомыслящего большинства.

Круто? Но тут уж начинаются проблемы с русским языком, точнее — его нескончаемыми идиотизмами. Обратимся к первоисточникам.

ИДИОТ. Малоумный, [...] убогий, юридивый.

ЮРОДИВЫЙ. Безумный, божевольный, дурачок, отроду сумасшедший; народ считает *юродивых* Божьими людьми.

ВОЛЯ. Данный человеку произвол действия; свобода, простор в поступках. Творческая деятельность разума. *Своя воля царя боле. У человека воля, у животного побудка.* Желание, стремление, хотение, [...] вся нравственная половина человеческого духа.

ИДИОТИЗМ. Особенность склада, оборота речи, языка, наречия, местного говора.
(В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка.)

Как видим, “свобода воли” на русском языке не что иное, как масло масляное. *Вольному воля, спасенному рай.* А спасение юродивых – дело рук самих юродивых.